

RU

Дискурсная фразировка эмфатического высказывания: французский язык

Седых А. П., Акимова Э. Н., Машкова Л. А.

Аннотация. Цель работы – выявление существенных механизмов структурирования эмфатического предложения-высказывания во французском языке и франкофонном дискурсе в рамках интерперсональных риторических интеракций. В расширенном аспекте целеполагание исследования связано с поиском перспективных векторов создания комплексной теории лингвокультурологической проактивности с учётом когнитивно-коммуникативных данных национального менталитета. Достижение поставленной цели предполагает отслеживание процесса и фиксации эмфатических способов фразировки дискурса для оптимально-конструктивного позиционирования феномена французской эмотивности как объекта будущих исследований через призму исторической и новой компаративистики. Научная новизна работы видится в обновлении ряда пунктов тема-рематического подхода на базе повышения роли принципа логикоцентричности в использовании приёмов тематизации и топикализации в процессе трансформации композиционно-речевых структур. Обновлению и уточнению также подвергается терминологический аппарат дискурсологии, а также теории языка и теории коммуникации. Ключевым моментом исследования выступает трактовка эмфатического высказывания как лабильной и динамично функционирующей единицы дискурса и нарратива различного типа со своей системой семиотических опор и ориентиров, отражающих эмоционально-экспрессивные интенции субъекта высказывания. Эпистемологическая модель базируется на применении методики анализа семантической плотности дискурсных приёмов, реализуемых в пространстве эмфатической коммуникации. На основе полученных данных появляются дополнительные возможности для выявления креативных механизмов формирования обновлённого эмфатического нарратива, что ведёт к диалогу и конструктивной синергии между представителями различных наук и дисциплин, на путях конструирования и реализации моделей адекватной эмпатической коммуникации, связанной с проактивной динамикой реализации синергии лингвoseмиотических и лингвокультурных параметров речевого акта.

EN

Discourse phrasing of emphatic utterances: the French language

A. P. Sedykh, E. N. Akimova, L. A. Mashkova

Abstract. The aim of this study is to identify and describe the essential mechanisms for structuring emphatic sentences in French and Francophone discourse within interpersonal rhetorical interactions. In a broader sense, the research's goal is to identify promising vectors for developing a comprehensive theory of linguacultural proactivity, taking into account the cognitive and communicative data of the national mentality. Achieving this goal requires tracking and documenting the process of emphatic phrasing in discourse to optimally and constructively position the phenomenon of French emotiveness as an object of future research through the prism of historical and modern comparative studies. The scientific novelty of this study lies in updating several aspects of the theme-rhematic approach by enhancing the role of the principle of logiocentricity in the use of thematization and topicalization techniques in the transformation of compositional speech structures. The terminology of discourse studies, as well as the theory of language and communication theory, is also subject to updating and clarification. The key point of this study is the interpretation of the emphatic utterance as a labile and dynamically functioning unit of discourse and narrative of various types, with its own system of semiotic supports and reference points reflecting the emotional and expressive intentions of the speaker. The epistemological model is based on the application of a method for analyzing the semantic density of discourse techniques implemented in the space of emphatic communication. The obtained data opens up additional opportunities for identifying creative mechanisms for the formation of a renewed emphatic narrative, leading to dialogue and constructive synergy between representatives

of various sciences and disciplines through the construction and implementation of models of adequate empathic communication associated with the proactive dynamics of synergy between the linguosemiotic and linguacultural parameters of the speech act.

Введение

Эпистемология исследования коррелирует с проактивным вектором ведения изысканий в области эмфатического дискурса и руководствуется логикоцентрической интерпретацией фактов коммуникации, которая трактуется как «набор навыков, относящихся к предвосхищению практик поиска, преобразования и переформулирования утверждений и их содержания» (Krieg-Planque, 2006, p. 34). В этом смысле производство эмфатического высказывания можно считать специфическим навыком нативных субъектов речи, реализующих фундаментальные коммуникационные функции, в частности посредством французского языка.

Эмфатическая фразировка высказывания непосредственным образом связана с функционированием в речи категорий «тема» и «топик». Классические дефиниции данных терминов исходят из того, что эти понятия применимы преимущественно к референтным единицам (Prince, 1981). Мы планируем показать, что такая категория, как *прилагательное*, фактически подпадает под тот же анализ, и что три типа структурно-смысловых явлений (*связь с контекстом, присоединение к именному словосочетанию и обеспечение семантической роли*), которые позволяют нам считать, что нереперентные единицы выполняют функцию *темы* и, в некоторых случаях, *топика*.

Рассмотрение феномена французской эмотивной коммуникации является одновременно инструментом построения социальных связей и индикатором усвоенных культурных норм. Эмоциональный дискурс во французском контексте – комплексная область текстотворчества, сосредоточенного на анализе вербальных и невербальных взаимодействий, социального обмена эмоциями и выражения аффективной культуры. Наше исследование является частью проекта, направленного на понимание и совершенствование процедур коммуникации через селективные формы фразировки и артикуляции, «дискурсная практика которых при этом формирует и использует чаще всего стандартные формулы и выражения» (Седых, Акимова, Жукова, 2025, с. 275).

Операциональный корпус работы опирается на ряд концепций видных филологов, отобранных по критериям релевантности, оригинальности и семиологической актуальности (Веденина, 2020; Матезиус, 1967; Рикёр, 2004; Chafe, 1987; Firbas, 2004). Необходимость создания непротиворечивой теории проактивно-эмотивной риторики, построенной на лингвокультурологических и лингвопрагматических основаниях, не вызывает сомнения, и в этом видится актуальность настоящего исследования. Новая эмотивно-мотивационная аксиология может быть построена с учётом синергетического взаимодействия конверс-анализа и лингвосемиологии в плане эпистемологической и эмпирической востребованности аутентичных оценок речевого акта и поиска путей реализации возможностей эффективного роста индивидуального и коллективного когнитивного потенциала социума.

Представленные в работе перспективы дальнейших исследований, направленных на создание метариторического корпуса национальных языков для реконструкции и статистического анализа адекватных когнитивно-коммуникативных моделей эмотивно-экспрессивного акта с целью осуществления успешного междисциплинарного и межкультурного взаимодействия, также представляются актуальными.

В работе решаются следующие задачи:

- интерпретативно-рефлексивное описание терминологического корпуса исследования, в частности термов «топикализация» и «тематизация»;
- рассмотрение проблематики нереперентных единиц, связанной с сегментацией высказывания и эмфатизацией прилагательного;
- выявление базовых характеристик адъективной синтагматики в её корреляции с референтом высказывания;
- описание способов функционирования вторичной предикации в корреляции с первичной предикацией;
- подготовка проектного ресурса для формирования эпистемологической базы с целью уточнения механизмов анализа способов эмфатического акцентирования нейтрального языкового материала в рамках проактивной дискурсологии и лингводидактики.

Теоретическая база исследования опирается на концепции видных лингвосемиологов и социолингвистов (Aitchison, 2012; Clas, 2015; Rastier, 2009), дискурсологов и когнитологов (Chafe, 1987; Cruse, 2000; Kerbrat-Orecchioni, 2005), а также ведущих грамматистов и речеведов (Матезиус, 1967; Рикёр, 2004; Веденина, 2020; Салтанова, 2022; Lambrecht, 1996).

Материалом для анализа и описания способов фразировки выступают данные франкоязычных словарей (L; CorpusEye; Molinié, 1997; FranText), образцы эмотивных предложений и высказываний, взятых из франкоязычных грамматик и тезаурусов (Grevisse, 1975; TLFi). При этом используется часть авторских архивных данных, собранных за время пребывания в странах Франкофонии, в качестве конструктивных элементов для разработок концепций проактивной риторики.

Проактивная риторика как молодая лингвосемиологическая дисциплина обладает терминологическим аппаратом, дифференцированно признаваемым специалистами в данной области, который обогащается новыми терминами (Веденина, 2020; Седых, Бузинова, Пашковская, 2023; Clas, 2015; Rey, 2011). В работе делается акцент на междисциплинарности и многомерности термина «фразировка», опираясь на релевантное

и фиксированное понимание его информативного и смыслового содержания в различных контекстных условиях реализации. Гуманитарии разных стран вне зависимости от своих эпистемологических приоритетов уделяют внимание феномену актуального членения и дискурсной фразировки высказываний (Салтанова, 2022; Pruvost, 2014; Siouffi, 2020).

Авторы в своём исследовании руководствуются принципом конвергенции теоретико-интерпретационного и практико-ориентированного подходов, связанных с вектором концептуализации аргументативной семантики и прагматики эмфатического дискурса, согласно которому высказывание «является семантическим центром и синтаксическим ядром языка, наделёнными функциями, направленными на удовлетворение когнитивных и коммуникативных потребностей субъекта и реципиента речи в русле адекватного восприятия лингвосомиотического потенциала означающих» (Rey, 2011, p. 157).

Национальная и культурная многозначность и полифункциональность эмоциональных нарративов лежат в основе потенциальных свойств этого явления с точки зрения семантических и концептуальных параметров его использования в дискурсе, что нашло отражение в работах теоретиков и практиков гуманитарных дисциплин, таких как философия языка и концептология, дискурсные исследования и когнитивная лингвистика (Седых, Бузинова, Пашковская, 2023; Седых, Акимова, Жукова, 2025; Aitchison, 2012; Morin, 2006; Rastier, 2009; *Identités sociales...*, 2009).

Теоретическая значимость данного исследования заключается в разработке синергетических позиций лингвосомиологического и когнитивно-коммуникативного подходов к изучению эмфатической фразировки высказываний с интеграцией дополнительных параметров, связанных с метадискурсными аспектами гуманитарных наук.

Результаты эмпирического анализа подтверждают научные позиции риторической теории, дискурсных исследований, нарратологии и лингвистики. Методология, теоретические положения и результаты исследования могут способствовать развитию лингвосомиологической теории моделирования, особенно в отношении построения эмотивной картины мира и формирования терминологии новой метариторики.

Методы исследования включают структурно-семантический и лингвосомиологический анализ эмфатического дискурса, а также выявление потенциальных интерактивных особенностей аффективного повествования с целью создания адекватных эпистемологических предпосылок для реконструкции и акцептации проактивных моделей метариторической деятельности.

Практическая значимость результатов работы видится в их применении в преподавании основ дискурса и конверс-анализа, нарратологии, риторики и научного метадискурса, в практической работе по филологии и психолингвистике, а также в курсах повышения квалификации для преподавателей гуманитарных университетов и для преподавательского и научно-исследовательского персонала классических университетов.

Обсуждение и результаты

Пролегомены к терминологии

Помимо терминологических вопросов и различных значений, которые могут иметь термины «тема» и «топик», – вопросов, которые на самом деле не представляют особой проблемы при чётком объяснении понятий, – необходимо начать работу с выявления существенных различий между различными «школами», использующими эти термины (Рикёр, 2004; Иосилевич, 2014; Салтанова, 2022; Cruse, 2000; Jacobson, 2014). Столкнувшись с этой неоднородностью, можно поддаться искушению занять крайнюю позицию, как это делают некоторые исследователи, которые после критического анализа множественных значений термина «тема» приходят к выводу, что само это понятие бесполезно и может быть заменено несколькими концепциями, специфичными для рассматриваемого уровня анализа: синтаксисом, семантикой, прагматикой и дискурс-анализом (Schlobinski, Schütze-Coburn, 1992).

Вышеуказанная позиция в конечном счёте не признаёт никакой специфичности категории *тема/топик* и приводит к мысли о том, что вопросы, обычно решаемые с помощью использования этого понятия, могут быть одинаково успешно решены отдельно в каждой из указанных областей, где представлены изучаемые факты. Подобное суждение выходит за рамки одной только критики, касающейся лишь выбора терминологии, так как по сути дела ставит под сомнение релевантность и обоснованность области наблюдения. Эта крайняя точка зрения, по-видимому, трудно доказуема, так как «третий уровень анализа» «функциональные перспективы высказывания», а также «информативная структура дискурса», категории, применяемые, например, Ламбрехтом (Lambrecht, 1996, p. 37), не могут быть сведены к простому суммированию данных или суперпозиции частей синтаксиса, семантики или прагматики.

Наблюдаемые факты (порядок слов, структура предложения-высказывания, выводы, оппозиция категорий «определённость», «неопределённость» и т. д.), очевидно, относятся к различным уровням лингвистического анализа, но сам факт того, что речь идёт о смежных аспектах исследования, подразумевает признание определённой системы, которая как раз и позволяет их интегрировать. Более того, тот факт, что речь идёт об использовании в контексте лингвистических маркеров, приводит к особой ситуации, как отмечает Гивон: «В реальном коммуникативном поведении грамматика не взаимодействует напрямую с ТЕКСТОМ. Скорее, грамматика взаимодействует с РАЗУМОМ, который производит или интерпретирует текст» (Givon, 1992, p. 5). Именно этот особый аспект «кодирования» лингвистическими маркерами категорий, которые уже не относятся

к языковой системе, но связаны с деятельностью по производству/пониманию текстов, во многом оправдывает рассмотрение определённого уровня анализа.

Можно также отметить, что различия в подходах – и расхождения в определениях – часто проистекают из отсутствия согласия относительно большей или меньшей специфичности рассматриваемого уровня: векторы анализа разнятся, так как в первом случае акцент делается на дискурсно-логическую связность высказывания и реципиента сообщения, а во втором – синтаксическая структура высказывания рассматривается в качестве ведущего объекта для анализа.

Данное разнообразие, по-видимому, можно свести к двум общим направлениям, двум основным тенденциям, которые не являются несовместимыми, поскольку они относятся к двум различным аспектам «информационного» уровня. Первый тип определения делает тему «отправной точкой» высказывания, следы которого можно обнаружить в таких понятиях, как «психологический субъект» (Rastier, 2009). Эта связь между тем, что имеет в виду говорящий, и его выражением в предложении обнаруживается и в подходе, который, отличаясь этим от других работ, основанных на принципах, установленных Матезиусом (1967), чётко отделяет это «психологическое» значение темы от «информационных» понятий, таких как оппозиция известное/новое. Аналогичным образом ряд учёных считает, исходя из тех же принципов, что тема всегда соответствует началу предложения, первому компоненту, открывающему высказывание. Очень близко к этой позиции, но иногда более сложно применимо, другое определение темы как «то, о чём что-то говорится», при этом понятие «отправной точки» в конечном счёте является общим для обоих подходов (Kerbrat-Orecchioni, 2005).

Другое важное направление состоит в попытках охарактеризовать тему, принимая во внимание её «информационно-прагматическую нагрузку», откуда анализ степеней общего знания, известного/нового распределения: тема рассматривается как известный, данный элемент, причём эта «известность» может принимать множественные аспекты знания (Chafe, 1987). Иной подход можно интерпретировать как попытку выйти за рамки слишком простой дихотомии пары «известное/новое» и учесть, с помощью понятия «коммуникативного динамизма», иерархию различных составляющих на шкале степеней «информативности», при этом темой становится группа с самой низкой степенью на этой шкале (Clas, 2015).

Таким образом, мы сталкиваемся с двумя основными подходами: тема (или топик) как «отправная точка» и тема как «известный» (или наименее информативный) элемент. Эти два определения относятся к разному порядку, однако необходимо отметить очевидные точки соприкосновения между двумя типами анализа:

1) прежде всего, следует отметить, что часто в качестве прототипического принципа постулируется, что тема «отправной точки» обычно совпадает с «известным» референтом. Расширение понятия «известный» позволяет довольно легко сделать такое обобщение; так, Хайман рассматривает контрастные темы (впервые введённые в тексте) как «известные»: «Они должны быть установлены как заданные соглашением, и говорящий должен добиться этого соглашения от своего слушателя» (Haiman, 1978, p. 584); таким образом, тема может быть «известна» не только до высказывания, но и в момент самого речевого акта. Понятие «известный», таким образом, уподобленное «теме», позволяет, в некотором смысле, обосновать порядок составляющих предложения, применяя принципы иконичности;

2) эти точки соприкосновения между двумя областями исследования означают, что работа над различными степенями «общего знания», а также работа, фокусирующаяся на «выразительности» референтов, относительно независима от того или иного определения темы/темы и используется в обоих направлениях: выдающаяся именная группа будет одновременно и самой низкой по шкале коммуникативной динамики, и той, которая может служить «отправной точкой», в той мере, в какой она присутствует в мыслях говорящего в момент высказывания; точно так же именная группа, отсылающая к «известному» референту (или, например, «предполагаемому как известный»), может, очевидно, выполнять роль темы как самой низкой ступени коммуникативной динамики, но также и отправной точки.

Вполне понятно, что, учитывая подобные совпадения, большинство авторов рассуждают в терминах прототипичности или в терминах степеней, шкал относительно прототипической ситуации, при этом «отправная точка» темы/темы обычно «известна»; таким образом: «Наиболее легко обрабатываемые и, следовательно, с когнитивной точки зрения наиболее приемлемые предложения – это те, темы которых занимают самые высокие позиции на шкале, т. е. чьи референты темы АКТИВНЫ в дискурсе. Такие референты являются ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫМИ темами, поскольку умственные усилия, необходимые для обработки предложений, содержащих их, не увеличиваются дополнительной задачей оценки РЕФЕРЕНТА темы путём её извлечения из долговременной памяти или путём выведения выводов, ведущих к её оценке на эмоционально-экспрессивном уровне» (Lambrecht, 1996, p. 165).

Наконец, уместно указать на параметр, который позволит различать разные подходы: независимо от того, касается ли он анализа степеней информации или анализа «отправной точки» высказывания, предлагаемые наблюдения представляются более или менее «дискурсивными», более или менее «текстовыми». Действительно, даже если в интересующей нас области сложно абстрагироваться от контекста и ограничиться рамками предложения, некоторые подходы делают тему типично фразовой единицей, например, некоторые учёные рассматривают случай «контекстно-независимых» предложений и устанавливают степени коммуникативного динамизма, опираясь на семантические и синтаксические структуры (Firbas, 2004), в то время как другие понимают тему как, по сути, текстовую единицу, которая находит своё определение и обоснование только в цепочках предложений: «Связный дискурс, таким образом, характеризуется цепочками равнотемных предложений. И “тема” является релевантным функциональным понятием только на уровне дискурса, как минимум в рамках речевой цепочки или абзаца» (Givón, 1992, p. 12).

Проблематика нереферентных единиц

В обоих представленных подходах нереферентные элементы практически не рассматриваются. Здесь попытаемся выяснить, в какой степени они создают особые проблемы. Стоит, прежде всего, выделить связанную с этим проблему: «расщепление» единиц, сегментацию высказываний на релевантные элементы, а также эмфатический заряд высказывания в случае с гипотетической синергией темы и топика.

Сегментация

Независимо от теории референции, разложение высказываний на синтагмы происходит без особых оснований: полученные «информативные» единицы (будь то тема или топик) совпадают с синтаксическими компонентами или частями компонент. Это довольно легко понять, когда дело доходит до определения темы; поскольку анализ более или менее сходится с проблематикой предикации, именно компоненты, идентифицируемые как «начала предложений», могут выполнять эту функцию (Седых, Бузинова, Пашковская, 2023).

Дело в том, что «колебания», которые могут возникнуть при определении темы (как «абсолютного начала» предложения, соответствующего тому, что «присутствует в сознании говорящего»), связаны скорее с количеством рассматриваемых компонентов, чем со всё более детальным разложением сложной группы (Rivarol, 2013). Проблема будет заключаться, например, в решении вопроса о том, может ли в одном предложении быть несколько фраз со значением темы: действительно, сопоставление компонентов на одном синтаксическом уровне (ряд обстоятельственных предложений – один из наиболее частых случаев) индуцирует информацию о приоритетах, как об относительной важности каждого из этих дополнений или о «вторичной» теме для второго элемента.

В том случае, если тема охватывает один, чётко разграниченный компонент, большая или меньшая сложность этой единицы не будет приниматься во внимание. Понятие «начала предложения» неразрывно связано с синтаксически однородными группами. Таким образом, морфосинтаксические характеристики, по-видимому, соответствуют «когнитивным единицам», «идеям», присутствующим в сознании говорящего в начале высказывания, которые в некотором смысле совпадают с грамматической структурой предложения и могут обладать эмотивным потенциалом в соответствии с прагматическим наполнением «идей» субъекта речи.

В исследованиях, являющихся расширением концепции под названием «Функциональная перспектива высказывания» (далее – ФПВ), иерархия степеней коммуникативной динамики, основанная в основном на понятиях «известного» и «нового», гораздо меньше мешает сегментации единиц на синтаксические составляющие (Aitchison, 2012). Учёт оральных и просодических явлений часто приводит к более «тонкой» декомпозиции сложных групп. Это очевидно при распознавании различных рематических частей: иерархия в этой области (собственно рема, остаток ремы, переход и т. д.) часто приводит к различению головной части фразы от её адьюнктов, детерминант и расширителей (Aitchison, 2012).

Бывает также, хотя и реже, что тематические части требуют разложения на собственно тему и её остаток, что может привести к фрагментации синтаксически «однородного» компонента. Понятия «известного» и «нового» (и, следовательно, масштаб коммуникативной динамики) не всегда соответствуют фразам, отсылающим к определённому референту; они могут применяться ко всем типам информации: собственно рема может быть обстоятельством образа действия, адъективным эпитетом и т. д., что отчётливо проявляется в ситуациях «контраста», например в следующем вопросе и ответной реплике, осложнённой опущением определяемого существительного: – *A-t-elle mis la robe rouge? Non, elle a mis la (robe) bleue.* / Она надела красное платье? Нет, она надела синее (платье) (авторский пример) (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – А. С., Э. А., Л. М.).

Таким образом, можно установить определённое противопоставление между относительно дихотомическим подходом (топик/комментарий) и более «иерархическим» подходом, который, по крайней мере теоретически, не стремится к систематической эквивалентности между информационным и синтаксическим уровнями. Этот вопрос о синтаксической релевантности единиц связан с проблемой предикации, точнее, с проблемой «носителей» предикации и, тесно переплетённым образом, с проблемой прагматического статуса и регистра нереферентных единиц.

Нереферентные единицы и проблематика эмфатизации: случай прилагательного

Следует отметить, что категория прилагательного не так часто упоминается в работах современных филологов, также редко рассматривается эмоционально-экспрессивный потенциал специальных адъективных конструкций. Некоторые исследователи настаивают на трудностях, вызванных использованием отдельных синтаксических конструкций. Так, Ламбрехт признаёт, что «испытывает смущение, отвергнув неререферентные элементы в рамках проблемы топикализации, чередуя такие конструкции, как: *Adj., il l'est*» (Lambrecht, 1996, p. 231). Аналогичным образом некоторые предлагают интерпретировать, в продолжение позиции Халлидея (Halliday, 1967), прилагательные в автономно-антиципативной позиции как «вторичные» темы.

Проблема возникает фактически в той мере, в какой большинство авторов признают референтное значение – и, следовательно, возможность топикализации или тематизации – за предикатом, когда он представлен в форме, позволяющей ему функционировать как аргумент. Таким образом, «события» попадают в область референции, когда они «переводятся» номинализацией или встраиванием, а также подчинением. *Предикативная структура* (далее – ПС), например глагольная группа, начинает играть тематическую роль, если она соответствует

«сущностной» функции (подлежащее, дополнение, определение) в компоненте, который может быть поставлен перед ним и о котором что-то «эмоционально-экспрессивное “сказано” в отправной точке по отношению к остальной части предложения» (Cruse, 2000, p. 71). Напомним, что ПС – это пара подлежащего и сказуемого в предложении, где сказуемое выражает то, что говорится о подлежащем. В грамматике – это фундаментальная синтаксическая структура, где сказуемое (обычно глагольная группа) предоставляет информацию о действии или состоянии подлежащего. В лингвопрагматике речь может идти об уровне эмотивности высказывания в результате реализации перлокутивного эффекта речевого акта (Седых, Бузинова, 2017).

В данной перспективе атрибутивное прилагательное, по-видимому, следует рассматривать как один из типов ПС так же, как глагольную группу, (например: *être satisfait de son travail* / быть удовлетворённым своей работой), которая топикализуется, как в нижеприведённых предложениях-высказываниях, и может также реализовать тематическую и эмфатическую функцию:

– *Être satisfait de son travail, c'est une chose rare pour lui* (TLFi). / Быть удовлетворённым своей работой, для него это большая редкость;

– *Satisfaction de son travail, c'est peu probable* (TLFi). / Удовлетворённость своей работой, это – вряд ли;

– *Satisfait de son travail, il ne l'était guère* (TLFi). / букв. ‘Удовлетворённым своей работой, он едва ли был таковым’ = Он едва ли был доволен своей работой (тематизация, осложнённая эмфатической инверсией).

Нам видится, что проблема скорее в функционировании категории «вторичной предикации», которая в работах французских лингвистов характеризуется чаще всего при помощи определения “*détaché*” (откреплённый, обособленный, несвязанный, автономный). В этом направлении, кажется, сложнее рассматривать редуцированную предикацию в таких высказываниях, как: *Fatigué, il s'est assis* (Grevisse, 1975). / букв. ‘Усталый, он сел’; *Attentif, il écoutait* (Grevisse, 1975). / букв. ‘Внимательный, он слушал’, как «отправную точку», которая служит эмфатической «опорой» для основной предикации, как «единицу, о которой что-то можно сказать, раскрывая своё эмоциональное отношение к предмету речи» (Aitchison, 2012, p. 25). При прочих равных условиях и с учётом вышеприведённых данных, смысл атрибутивной синтагмы (ПС): “*Fatigué, il ne l'était guère*”. / «Усталый, он едва ли был таковым» – можно передать при помощи приёма эмфатического переформулирования: *La fatigue, il ne connaît pas ça*. / Усталость, он не знает, что это такое; *La fatigue, il ne s'en soucie pas*. / Усталость, это ему безразлично (Grevisse, 1975).

Откреплённые прилагательные *fatigué* (усталый), *attentif* (внимательный) могли бы быть заменены предложными конструкциями, соответственно: *en raison de sa fatigue* (по причине его усталости), *avec attention* (с вниманием), – которые несомненно выглядят как «тяжёлые» парафразы кратких и точных адъективных конструкций. Сюда же можно отнести и следующие предложные обороты, как возможные лексико-грамматические замены указанных прилагательных: *quant à* (что касается, по части чего-л., что до); *pour ce qui est de* (применительно к; в отношении чего-л.); *quant à la fatigue* (по части усталости); *pour ce qui est de la fatigue* (что касается усталости), *nous en reparlerons* (мы ещё об этом поговорим) и пр. (L).

По мнению ряда учёных, «топикализованное прилагательное с трудом принимает эти косвенные конструкции, и восстановление глагола “*être*”, по-видимому, облегчает данное обозначение для топика» (Combettes, 2006, p. 49), однако нижеприведённый фрагмент из произведения драматурга и прозаика XVIII века Пьера де Мариво показывает, что сочетание предлога и прилагательного не является абсолютно невозможным, по крайней мере, в определённый период развития французского языка:

– *Il ne tint pourtant pas à moi de m'en donner une autre (= de contenance) ; mais je crois que je n'en pus jamais venir à bout, non plus que d'avoir un visage qui ne parût ni déplacé ni honteux; car, pour étonné, je me serais consolé que le mien n'eût paru que cela* (Marivaux, *Le paysan parvenu*, p. 239) (FranText). / – Мне не нужно было придать себе другое (=лицо); но я полагаю, что мне это никогда не удастся, так же, как и иметь лицо, которое не выглядело бы ни неуместным, ни стыдливым; ибо, как бы я ни был изумлён, я утешал себя тем, что моё лицо выглядело именно так.

Эти процедуры, в определённой степени общие для референтных и нереферентных групп, по-видимому, нельзя применить ко вторичным предикациям: *Immobile, il attendait devant la porte = Pour ce qui est d'être immobile, il attendait devant la porte* (TLFi). / Неподвижный, он ждал перед дверью = букв. ‘Что касается быть неподвижным’, он ждал перед дверью. Использование предложных конструкций (*pour ce qui est de, quant à ... / что касается, как для...*) предполагает связь с остальной частью высказывания, корреляция, которая точно соответствует феномену топикализации, которого здесь нет, поскольку прилагательное *immobile* (неподвижный) не поддерживает определённую семантическую связь с основным предикатом и соответствует просто «примыканию» (он ждал, и он был неподвижен). Однако ситуация не столь ясна, поскольку в других контекстах обособленная конструкция может поддерживать определённые связи с остальной частью предложения, когда семантика эмфатического высказывания скорее всего приближается к реализации функции темы. В любом случае отметим, что исключение нереферентных элементов – по крайней мере некоторых из них, таких как прилагательные – из области тематизации не обходится без возникновения некоторых проблем.

Поэтому представляется необходимым исследовать, имеются ли в «информативной» области некие общие черты между референтными и адъективными группами. Будь то понятие топика или темы, одним из наиболее часто исследуемых проблем является вопрос о степенях «общего знания»: будучи неотъемлемой частью теории коммуникативного динамизма, она также имеет основополагающее значение для характеристики темы или, по крайней мере, для «обоснования» топикализации того или иного компонента. Именно с этой иерархии «известных/новых» элементов приступим к исследованию динамики функционирования адъективной группы в качестве ПС.

Адъективная синтагматика
Адъективное словосочетание и степени общего знания

На данном этапе исследования уместно поставить под сомнение возможность классификации неререферентных синтагм (фраз-высказываний), и в частности словосочетаний с прилагательным, по шкале степеней «общего знания»; будучи основополагающим элементом подходов, коррелирующих с концепцией ФПВ. Данная иерархия также тесно связана с проблематикой топика, поскольку линеаризация, по-видимому, чётко обусловлена свойствами различных компонентов в этой области, когда речь идёт о референтных группах. Относительно схожие аналитические сетки были предложены такими исследователями, как Чейф (Chafe, 1987), Принс (Prince, 1981) и Гивон (Givon, 1992), анализ которых, как мы уже подчёркивали, применим к референтным *именным группам* (синтагмам) (далее – ИГ).

Следует, однако, отметить, что используемые термины обычно относятся к «концепциям» или «сущностям», гораздо менее точным, чем «референты дискурса» (таким образом, Ламбрехт (Lambrecht, 1996, p. 94) уточняет, что он ограничивает категорию «концепция» «ментальным представлением референтов»). Рассмотрим две общие категории, с которыми авторы, по-видимому, согласны: элементы, относящиеся к памяти и «сознанию» говорящего, – идентификация и активация. Термин «идентифицируемость», который Чейф (Chafe, 1987) предпочитает термину «известный» (или «знакомый»), относится к деятельности говорящего, который при именовании сущности должен учитывать, существует ли уже представление о ней в сознании получателя; эту категорию можно сравнить с категорией пресуппозиции на уровне предложения; языковые единицы, которые «транслируют» «идентифицируемый» характер референта, весьма разнообразны: ИГ, обозначающие уникальные референты, ИГ, идентифицируемые посредством общего знания, а также референты, присутствующие «заметным» образом в тексте (анафорическая игра) или в ситуации (дейктическая игра). Неидентифицируемые сущности могут быть «закреплены», связаны другой единицей с контекстом или быть совершенно новыми (Prince, 1981, p. 236).

Второе базовое понятие – это категория «активации»: ограничения в представлении сущностей налагаются природой кратковременной памяти; «Наш разум содержит очень большой объём знаний или информации, и <...> лишь очень малая часть этой информации может быть сфокусирована или “активирована” в любой момент времени» (Chafe, 1987, p. 22). Здесь акцент делается на ситуации в момент высказывания; спектр идентифицируемых элементов, очевидно, гораздо шире, чем спектр элементов, фактически присутствующих в сознании в различные последовательные моменты коммуникации. Таким образом, исследователь предлагает различать три возможных варианта для конкретного понятия, сущности: *активный, полуактивный* (или доступный) и *неактивный*.

«Активный» референт присутствует в сознании в момент высказывания (например, он может быть использован клитическим местоимением в последовательных предложениях); «неактивный» референт должен быть вызван «полной» лексической группой, поскольку, даже если он известен и идентифицируем, он находится вне поля сознания получателя. Что касается категории «доступных», можно выделить три подкласса (Lambrecht, 1996, p. 99-100): «активное» понятие заменяется в ходе дискурса другим; оно остаётся доступным в течение определённого времени (эту продолжительность ещё предстоит определить), и его реактивация потребует иных процессов, чем те, которые используются для введения «неактивного» референта. Рассматриваемое понятие также может принадлежать к набору выводов, выведенных из фрейма, «схемы» (ср. понятие «семантический фрейм»): фрейм «церковь» (*église*) приведёт к «доступным» единицам – «колокольня» (*clocher*), «приходской дом» (*presbytère*) и т. д.

Наконец, можно считать, что определённые референты доступны благодаря своему присутствию в нелингвистическом контексте, в ситуации коммуникации. Отсюда и различие: текстуально доступные, доступные посредством вывода, доступные благодаря ситуации. Необходимо отметить позицию Ламбрехта, которая, не меняя принципиально этот тип классификации, противостоит чрезмерно «реалистичному» подходу Чейфа: категория «активация» относится скорее к «потенциалам активации», а не к реальному состоянию референта в сознании говорящего; отправитель предполагает, что получатель может на основе различных языковых структур сделать выводы, позволяющие ему правильно интерпретировать соответствующий референт (Lambrecht, 1996, p. 105).

Исходя из такой классификации, которую довольно легко проиллюстрировать на примере референтных ИГ, именная группа с придаточными элементами может вызвать вопросы в плане трактовки их неререферентности. Напомним, что если эта проблема возникает, то она обусловлена синтаксическим функционированием некоторых из этих неререферентных групп, особенно в обособленной позиции; если бы прилагательное появлялось только в постглагольной атрибутивной структуре (подлежащее + être + прил.), вопрос был бы вряд ли уместен, и нам остаётся только согласиться с Ламбрехтом (Lambrecht, 1996) относительно ограничения этого типа сетки референтными ИГ. Но, как признаёт ряд современных исследователей, структуры с «обособленностью» представляют собой проблему не только в случае предположенных определений, но и в случаях, которые традиционно часто характеризуются термином «приложение» (Pruvost, 2014).

Поскольку подобные адъективные конструкции не являются референтными, представляется неуместным задавать вопрос об их «идентификации»; эта концепция относится к «запомненным» референтам и может, в крайнем случае, применяться к «предложениям» (это заслуживает обсуждения), но, безусловно, не к «изолированным» прилагательным (или наречиям). Понятие активации здесь может представлять интерес:

информация, передаваемая адъективной группой, более или менее «присутствует» в сознании в момент произнесения; вопрос о том, касается ли эта информация референтных или нереферентных элементов, представляется нам другим вопросом, затрагивающим природу запоминаемых сущностей, их разнообразие (именные группы или предикаты). Таким образом, в области прилагательных можно обнаружить те же подкатегории «активации», которые позволили разделить именные группы.

Адъективная группа может быть «активной» в той мере, в какой она повторяется, как это происходит, можно сказать, в непосредственном контексте; это «возобновление» может быть достигнуто местоимением, когда оно соответствует функции сказуемого, или повторением группы, если она является вторичной сказуемой. Понятие «присутствует в уме», позволяющее нам идентифицировать адъективную группу как «активную», иногда происходит от именной группы.

В следующем отрывке группа “*chaleur*” (тепло) повторяется в последующих предложениях прилагательным “*chaud*” (тёплый), стоящим в начале предложения. Следует отметить, что первые два прилагательных выполняют атрибутивную функцию, в то время как последнее – отражает вторичную предикацию:

– *Heureusement, il y a la chaleur d’Alain Juppé. Avec tout son gouvernement, comme le veut la tradition, il est venu présenter ses vœux au chef de l’Etat. Il a parlé <...> en exprimant à Jacques Chirac ses sentiments de “défêrente amitié”, et sa “gratitude” [...]. Chaleureux, Alain Juppé a décidé de l’être aussi avec son équipe <...> il leur (= aux ministres) a promis que, désormais, les décisions se prépareraient “dans un climat de dialogue”. Chaleureux, le premier ministre a aussi décidé de l’être avec sa majorité parlementaire, avec laquelle, a-t-il affirmé, les relations sont « excellentes » <...>. Chaleureux, Jacques Chirac a répondu aux ministres “qui sont aussi des amis”, que [...] Il a félicité, remercié les ministres pour “l’œuvre accomplie en 1996” (Le Monde, 01.05.1997) (FranText). / К счастью, есть тепло Алена Жюппе. Со всем своим правительством, как предписывает традиция, он прибыл, чтобы представить свои пожелания главе государства. Он говорил <...>, выражая Жаку Шираку свои чувства «почтительной дружбы» и «благодарности» <...>. Алэн Жюппе решил быть теплее и со своей командой <...> он пообещал им (= министрам), что отныне решения будут приниматься «в атмосфере диалога». Премьер-министр также решил быть теплее и со своим парламентским большинством, с которым, как он подтвердил, у него «превосходные» отношения <...>. Жак Ширак ответил министрам, «которые также являются друзьями», что <...> Он поздравил и поблагодарил министров за «работу, проделанную в 1996 году».*

Независимо от того, идёт ли речь о функции топика или темы, обе из которых проиллюстрированы в вышеприведённом примере, понятие «активного» элемента представляется релевантным; подобно тому, как референтная именная группа может оставаться активной на протяжении всего текста, так и другая «информация», имеющая предикативное значение, может сохраняться в непосредственной памяти и, в конечном счёте, составлять элемент низшего уровня по шкале коммуникативной динамики. Синтаксическая функция адъективного компонента здесь не представляется принципиальной, так как прилагательное выполняет функцию, близкую к определению объекта, с семантическим значением обстоятельства способа действия, как в нижеследующем фрагменте:

– *Florie retourna vers la porte, l’ouvrit toute grande sur la campagne. Toute grande aussi elle ouvrit la fenêtre <...> (M. Genevoix, La forêt perdue, p. 148) (TLFi). / – Флори вернулась к двери, распахнула её настежь, выглядывая из окна. Также широко она распахнула окно <...>.*

Мы также часто сталкиваемся со случаями, когда прилагательное можно считать «доступной» или релевантной сущностью, особенно когда речь идёт об отношениях вывода: прилагательное тогда «развивает» определённые семантические признаки, содержащиеся в нём и заявленные в предыдущем контексте; параллель не является абсолютно полной со случаем референтных элементов, прикреплённых к общей «рамке», и мы не можем здесь говорить о «сценарии», из которого адъективные группы были бы выведены, предполагались. Однако в ближайшем контексте встречаются единицы, которые своим значением делают появление того или иного прилагательного относительно «предсказуемым»:

– *Et nous-mêmes nous battons d’un autre souffle, d’autres sentiments dégringoleront en cascade dans nos cœurs, et, si ce devaient être les mêmes, leur harmonisation, leur assemblage seraient autres, car les personnes comme les jours ne tolèrent pas les redites en matière de disposition d’âme. Heureux ou maussades, nous ne le sommes jamais deux fois de la même manière (Y. Peyré, La bibliothèque de Belmont, p. 96) (TLFi). / – И мы сами будем бороться с другим вздохом, другие чувства хлынут в наши сердца, и, если бы они были одинаковыми, их гармония, их совокупность были бы иными, потому что люди, как и дни, не терпят повторений в вопросах душевного расположения. Счастливые или мрачные, мы никогда не бываем счастливы дважды одинаково.*

Здесь мы можем трактовать группу «счастливый» или «мрачный» в связи с другими чувствами, с душевным состоянием. Ещё более часты случаи, когда прилагательное рассматривается как «неактивная» сущность, по крайней мере как изолированная единица, но наличие «дополнения» позволяет связать его с контекстом.

Учитывая вышеприведённые данные, обнаруживаем ситуацию ассоциативной фиксации «новых» ИГ, но в контекстной корреляции, как в нижеприведённом фрагменте:

– *Un manteau noir <...> lui tombait jusqu’au-dessous des genoux <...> Contrastant avec ce costume solennel, une chemise ouverte laissait s’échapper librement un cou d’une blancheur laiteuse (J. Green, Le mauvais lieu, p. 97) (TLFi). / – Чёрное пальто <...> ниспадало ниже колен <...> В контрасте с этим торжественным костюмом расстёгнутая рубашка свободно открывала молочно-белую шею.*

Обратим внимание на частые сочетания, в форме сопоставления или координации, адъективных фраз с «обстоятельствами», по сути, локализующими, которые соответствуют скорее вторичной предикации именного референта, чем «уточнению» характера процесса, обозначенного основным глаголом.

Связь адъективной синтагмы с референтом

Нереферентные составляющие охватывают относительно разнообразные языковые единицы. При этом данная неоднородность едва ли принимается во внимание, когда речь идёт просто о противопоставлении их референтным элементам, как бы «отодвигая на второй план» проблематику темы или сюжета. Группировка этих составляющих под названием «предикативные» элементы (или элементы с «предикативным значением», которые «участвуют» в предикации и т. д.) скрывает важные различия. В случае с наречиями, такими как *soudain* (вдруг), *rarement* (редко), или локутивными конструкциями, такими как *peu à peu* (мало-помалу), *sur le champ* (тут же, сразу же; без замедления) и т. д., которые не следует путать с адъективными синтагмами или группами с адъективным значением, необходимо определить корреляции на уровне синтактико-референтивных отношений. Одним из важных и отличительных моментов, по-видимому, является «связь», которая обязательно должна быть установлена для некоторых нереферентных составляющих с референтной именной группой, обычно выраженной в высказывании.

Функционирование адъективной синтагмы очевидно: эта связь с «подлежащим» референтом существенна, в то время как обстоятельственная категория ведёт себя менее однородно; некоторые наречия образа действия, в частности, требуют, как и адъективная группа, этой «корреляции»; такие слова-термы-наречия, как «неловко» (*maladroitement*), «внимательно» (*attentivement*) или «умно» (*intelligement*), если они участвуют, как и другие обстоятельства, в предикации (в отличие от референтных имен существительных в субстантивных синтагмах), тем не менее тесно связаны своими семантическими свойствами с подлежащим. Сравнения также возможны с прилагательным в обособленной позиции, как в словосочетаниях: *la neige tombe, abondante* (букв. 'снег падает, обильный'); *la neige tombe abondamment* (букв. 'снег падает обильно') (EUFr).

Поэтому уместно различать две «шкалы», которые не обязательно совпадают: шкалу степеней «общего знания» прилагательного (или эквивалентного выражения), которую, как мы только что видели выше, можно частично применить к нереферентным единицам, и шкалу степени общего знания ИГ, с которой связано прилагательное. Именно это отношение выделяет прилагательное в отдельную категорию среди нереферентных; появление адъективной группы в начале высказывания отсылает, с одной стороны, к тому, что присутствует в сознании говорящего с точки зрения «значения» самого термина, и, с другой стороны, даже если непосредственного присутствия ИГ нет, к референту, «связанному» с этой адъективной группой.

С точки зрения ФПВ, линейная фразировка составляющих может быть объяснена тем, что обособленное прилагательное часто отсылает к «активному» референту, представленному клиткой или, возможно, парафрастической повторной деноминацией. Семантическая связь, устанавливаемая между вторичной предикацией, передаваемой прилагательным, и основной предикацией, также играет важную роль, как мы увидим далее; сразу отметим, что связь с предыдущим контекстом очень часто осуществляется через «активный» референт, который не всегда – вопреки требованиям нормативной традиции – соответствует субъекту предложения: анализ степеней коммуникативного динамизма не может быть здесь ограничен чисто «фразовым» подходом; обособленная адъективная группа, своего рода «редуцированное» предложение, должна быть интерпретирована как периферийный компонент, который, с точки зрения общего знания, выступает в качестве своеобразного моста между двумя фразами-высказываниями, расширяя предыдущий контекст и сохраняя активный референт. Следует также отметить, что сохранение референта в нескольких синтагмах расширяет, так сказать, возможности грамматического «анаколуфа»: автономное прилагательное, которым начинается каждое предложение, устанавливает непрерывность на уровне абзаца или эквивалентных блоков; такое сцепление нереферентных групп происходит в ущерб строгой синтаксической структуризации высказывания.

Рассмотрим, для примера, отрывок, в котором активный референт однозначен и не имеет «конкуренции» при повествовании от первого лица; адъективные группы, открывающие каждую новую синтагму, присоединяются к этому референту без особых затруднений. Используя терминологию Халлидея (Halliday, 1967), то, что «присутствует в сознании» в начале предложения, – это не только «качество», выраженное тем или иным прилагательным, но, прежде всего, референт, к которому относится обособленный компонент:

– *Mais qu'ai-je gagné à ma nature réservée ? Froid et sec en matière visuelle, je n'ai rien de l'enthousiaste et du sentimental <...>. Poli, laudatif, admiratif pour les insuffisances qui se proclament intelligences supérieures, mon mépris caché rit <...>. Aventureux et ordonné, passionné et méthodique, il n'y a jamais eu d'être à la fois plus chimérique et plus positif que moi* (Chateaubriand, *Mémoires*, p. 380) (FranText). / – Но что я приобрёл от своей сдержанности? Холодный и сухой в визуальных вопросах, я не обладаю ни энтузиазмом, ни сентиментальностью <...>. Вежливый, хвалебный, восхищающийся недостатками, которые провозглашают себя высшими умами, моё скрытое презрение смеётся <...>. Авантюрный и упорядоченный, страстный и методичный, никогда не было счастья одновременно более химеричного и более позитивного, чем я.

При такой чёткой структуре абзаца обособленная конструкция в начале высказывания коррелирует с тематическим значением как её «обстоятельственной» функцией, как мы увидим далее, так и её связью с активным референтом, который может выступать в различных грамматических формах (местоимение-подлежащее, притяжательный детерминант, местоимение-дополнение). В случае повторной деноминации с помощью именной группы могут возникать морфологические «разрывы» в системе согласований.

В следующем отрывке представлен пример обособленной адъективной группы, которая относится к активному референту мужского рода (*l'homme* = человек), отсюда формы *coincé* (зажатый), *dévoré* (снедаемый),

в комбинации с репризой этого же референта при помощи перифразы в женском роде (*cette intelligence souveraine* = суверенный разум).

– *Le problème personnel d'Ivan est donc de savoir s'il sera fidèle à sa logique <...>. L'homme qui ne comprenait pas comment on pouvait aimer son prochain ne comprend pas non plus comment on peut le tuer. Coincé entre une vertu injustifiable et un crime inacceptable, dévoré de pitié et incapable d'amour, solitaire privé du secourable cynisme, la contradiction tuera cette intelligence souveraine* (A. Camus, *L'homme révolté*, p. 469) (CorpusEye). / Личная проблема Ивана, следовательно, заключается в том, чтобы узнать, останется ли он верен своей логике <...>. Человек, не понимавший, как можно любить ближнего, не понимает, как можно его убить. Зажатый между неоправданной добродетелью и неприемлемым преступлением, снедаемый жалостью и неспособный на любовь, одинокий, лишённый услужливого цинизма, – противоречие убьёт этот суверенный разум.

Эта «редуцированная» (свёрнутая) предикация, образующая несвязанную конструкцию (существительное + прилагательное), может также служить для введения нового референта, который тем самым становится активным, отсюда и разрывы в конструкции, которые при чрезмерно «фразистском» подходе отсылали бы к области синтаксического анаколуфа, что мы видим в следующем эпизоде:

– *Rien ne va vite en besogne comme les cours inférieurs (= les cours de justice); presque toujours composées d'idiots, de rigoristes imbéciles ou de brutaux fanatiques, à peu près sûrs que de meilleurs yeux corrigeront leurs stupidités, rien ne les arrête aussitôt qu'il s'agit d'en faire* (Sade, Justine, p. 179) (CorpusEye). / – Ничто не работает так проворно, как низшие суды (суды низшей инстанции); почти всегда состоящие из идиотов, слабоумных ригористов или жестоких фанатиков, почти уверенных, что более внимательные глаза исправят их глупость, и ничто не останавливает их, как только дело доходит до этого.

Синтагма, отсылающая к активному референту (*les cours inférieurs* = суды низшей инстанции), содержит в качестве дополнения новый, до сих пор неактивированный референт (*idiots, rigoristes* = идиоты, ригористы <...>); этот референт, будучи активированным, сам характеризуясь (*à peu près sûrs* <...> = почти уверенных <...>), снова подхватывается клиткой (*les* <...> = местоимение «их») рядом с основным глаголом. Таким образом, исходная обособленная фраза «зависает» с синтаксической точки зрения, по крайней мере, в соответствии с относительно «современной» концепцией структурных отношений между фразовыми компонентами, но этот тип текстовой функции возможен лишь постольку, поскольку адъективная группа связана с активным референтом.

Нереферентная группа также может относиться к именным группам, не охватывающим активированный референт. Здесь мы встречаем различные категории «доступных» или неактивированных референтов: доступных через языковой микроконтекст, как в следующем фрагменте:

– *Peut-être Félix le sentait-il: "On en reparlera tout à l'heure. Descendons"*.

Plate et un peu faubourienne, sa voix détruisait le charme de son visage <...> (J. Green, *Le mauvais lieu*, p. 54) (FranText). / Возможно, Феликс почувствовал это: «Мы поговорим об этом позже. Пойдём вниз». Его голос, ровный и несколько унылый, разрушал очарование его лица.

Итак, представляется возможным объединить две шкалы общего знания; связь с неактивным референтом, по-видимому, едва ли позволяет «оправдать» препозицию адъективной группы, поскольку этот референт по определению не может присутствовать в сознании; но обособленный компонент, независимо от референта, к которому он отсылает, может быть «закреплён» в языковом контексте посредством дополнения. Тогда именно этот фактор будет играть роль во фразировке и линеаризации, причём формируемая таким образом комплексная группа часто напоминает «локализирующий сирконстант», валентность которого определяется *главным словом* ситуации (Grevisse, 1975).

Следующий фрагмент представляет собой пример использования обособленной конструкции (*scellée au mur* = прикреплённой к стене), которая «возвещает» о неактивном референте (*une pompe* = насосе), но связана с предшествующим контекстом группой (*au mur* = к стене). Следует отметить, что эта адъективная синтагма находится на том же уровне, что и следующие за ней предложные группы, которые легко можно было бы перифразировать в следующую секвенцию: *placée près du bombement* <...> = размещённый рядом с выпуклостью <...> или: *située à l'emplacement...* = расположенный в месте...:

– *... dans la partie fermette de la bâtisse qui va de l'ancien pressoir au four à pain]. Scellée au mur, près du bombement extérieur du puits, à l'emplacement de l'ancien pressoir, il y a une pompe <...>* (Y. Peyré, *La bibliothèque de Belmont*, p. 141) (CorpusEye). / – ...в части фермерского дома, которая идёт от старого винного пресса к хлебной печи. Прикреплённый к стене, около внешнего выступа колодца, в месте расположения старого винного пресса, стоит насос <...>

Подобное явление обнаруживается и в следующем фрагменте:

– *Au lieu du lit qu'elle pensait trouver, sa main palpa un fauteuil dans le genre de celui que <...>. D'abord elle ne vit rien, aveuglée par cette flamme minuscule <...>. Etendu en travers du grand fauteuil de velours cerise aux reflets de braise, un garçon d'environ dix-sept ans dormait <...>* (J. Green, *Minuit*, p. 231) (FranText). / Вместо кровати, которую она ожидала найти, её рука нащупала кресло, похожее на то, что <...>. Сначала она ничего не увидела, ослеплённая этим крошечным пламенем <...>. Раскинувшись на большом кресле, обитом вишневым бархатом, в котором отражались тлеющие угли, спал юноша лет семнадцати <...>

Хотя нереферентные составляющие в предыдущих примерах сложно отождествить с топиками, их вполне можно анализировать как единицы, более или менее «присутствующие в сознании», прямо или косвенно, посредством логического толкования смыслов или ассоциативной связи с контекстом. Подобно «локализирующим сирконстантам», эти элементы в полной мере участвуют в информационной динамике развития сигнификата фразы и подпадают под категорию единиц *функциональной перспективы высказывания* (ФПВ) (Molinié, 1997).

Как и референтные фразы, они могут играть роль темы или вторичной темы. Что касается функции топика, необходимо рассмотреть особенности, связанные со вторичной предикацией. Проблема топикализации, по-видимому, тесно связана с проблемой предикации. «Исходная точка» или топика высказывания, часто совпадает с тем, о чём собирается сказать субъект речи в формате безличной конструкции: “*ce dont on va dire quelque chose*” (букв. ‘то, о чём будет что-то сказано’), и здесь мы должны задаться вопросом, в какой степени «редуцированный» предикат может служить «исходной точкой» для другого предиката.

Вторичная предикация и её связь с первичной предикацией

До сих пор мы подчёркивали «контекстуальные» характеристики нереперентных фраз и возможность для обособленных прилагательных соответствовать степеням общего знания. Тот факт, что этот тип компонента охватывает вторичную, «редуцированную» предикацию, влечёт за собой переход на другой уровень, который тем не менее оказывается значимым в топиковом или тематическом анализе: между двумя присутствующими предикатами устанавливается относительное изменчивое семантическое отношение. Подобное отношение, часто рассматриваемое академической традицией как фундаментальное и главное значение конструкции, строится на семантических единицах, содержащихся в каждом из компонентов. Мы будем говорить о «причинности» в случае: *Malade, il n'est pas venu* = ‘Больной, он не пришёл’, об «уступке»: *Malade, il est tout de même venu* = ‘Больной, он всё-таки пришёл’, о «гипотезе»: *Malade, il serait resté chez lui* = ‘Больной, он скорее всего остался бы дома’ и т. д. В большинстве случаев «эквивалент» можно найти в подчинении (*Comme il était malade, ...* = Так как он был болен... и т. д.) (Grevisse, 1975).

Рассмотрим роль, которую играет «сирконстантное» значение вторичной предикации в проблеме тематизации. Следует различать две основные возможности: обособленный частеречный элемент как составная часть синтагмы, особенно если она является причастием, будет иметь функцию обозначения хронологической связи, *предшествующей* или *одновременной* по отношению к основному сказуемому:

– *Arrivée, elle se trouva mieux* (E. et J. de Goncourt, *Germinie Lacerteux*, p. 236) (DC). / По прибытии (приехавшая) она почувствовала себя лучше.

– *Et, prenant la poignée de son sabre d'une main, il retroussa de l'autre sa moustache* (Vigny, *Cinq-Mars*, p. 62) (DC). / И, схватив одной рукой рукоять сабли, другой рукой он покручивал усы.

В первом и втором примере размещение нереперентного компонента в начале предложения объясняется применением правил ФПВ: идентичный анализ применим к начальной придаточной части (*Pendant qu'il prenait..., Après qu'elle fut arrivée...*). Антиципативные конструкции здесь приобретают значение «рамки» по отношению к остальной части высказывания и, таким образом, наделены низкой степенью коммуникативной динамики. Именно для таких конструкций предлагается говорить о «малой теме» или «второстепенной теме», когда «главная» тема, например, снова подхватывается клиткой подлежащего, как в приведённых выше примерах (Rey, 2011, p. 257). Следует также отметить, что в плане предшествования линеаризация соответствует принципам иконичности, порядка элементов, информативных единиц (а в этой области хронологии речь может идти не о референтных синтагмах, а скорее о единицах с предикативным значением), «отражающих» последовательность событий (Rey, 2011, p. 257).

То же самое относится и ко второму случаю, когда нереперентная группа выражает такие отношения, как причинность, уступка или гипотеза: рематическую часть высказывания составляет главный предикат, который более информативен, чем редуцированная предикация, как в нижеследующих примерах:

– *Frappée des singularités qu'elle observait chez Octave, elle (= Mme de Malivert) redoutait pour lui une affection de poitrine* (Stendhal, *Armance*, p. 25) (DC). / Поражённая странностями, которые она заметила у Октава, она (= мадам де Маливер) опасалась, что у него может быть заболевание грудной клетки.

– *Ses forces lui (= à Octave) manquaient aussi; prêt à tomber lui-même, il eut cependant le courage de lui dire <...>* (Stendhal, *Armance*, p. 117) (DC). / Силы его оставляли (= Октава); готовый сам пасть, он тем не менее нашёл в себе смелость сказать ему. <...>

– *La toute puissante influence de la mode... Privé de ce secours, il (= le mérite d'Octave) eût passé inaperçu* / – Всемогущее влияние моды... Лишившись этой помощи, она (= заслуга Октава) осталась бы незамеченной (Stendhal, *Armance*, p. 148) (DC).

Здесь, как и во временных отношениях последовательности, можно найти иллюстрацию правил, тенденций, относящихся к иконичности: понятие следствия, будь то *реальное* последствие, «*сорванное*» последствие или *предполагаемое* последствие, можно сопоставить с «абсолютным» понятием последовательности, причём второй предикат расширяет семиотическое пространство первого. Тематическое значение нереперентной синтагмы отчётливо проявляется в рамках ФПВ, поскольку эта составляющая не только менее информативна, чем остальная часть высказывания, но и связана с предыдущим контекстом посредством различных процессов «кодирования» общего знания, которые были рассмотрены выше.

Таким образом, адъективные синтагмы во вторичной предикации, по-видимому, связаны с проблематикой «информативности». Среди причин, обосновывающих эту связь, одна относится исключительно к прилагательному и касается возможности классификации данного типа единиц по шкале общего знания. Остальные единицы зависят от их отношений с различными элементами: связью с номинальным референтом, семантической связью с главным сказуемым и пр.

Рассмотрим возможность корреляции адъективной синтагмы с проблематикой топикализации. В случае атрибутивного прилагательного топическая функция, по-видимому, может быть установлена совершенно чётко, как в следующем отрывке:

– *Dans ces récits, une frontière bien tracée sépare l'espace public de l'espace privé, refuge provisoire du romanesque. Provisoire, ce refuge l'est dans la mesure où, inéluctablement, l'état d'abandon finit par affecter la vie intime des personnages les mieux intentionnés <...>* (Т. Pavel, *L'art de l'éloignement*, p. 336) (FranText). / В этих историях чётко очерченная граница отделяет общественное пространство от личного, давая вымышленному персонажу временное убежище. **Временное**, поскольку состояние заброшенности неизбежно сказывается на личной жизни даже самых благонамеренных персонажей.

Как мы ясно видим, прилагательное «временный» (*provisoire*) реализует не только роль *темы*, поскольку оно берёт на себя элемент предыдущего контекста, но и выполняет функцию «отправной точки», которая позволит сделать комментарий, осуществить «каркасную» предикацию. В этой перспективе можно представить себе парафраз типа: *Pour ce qui est d'être provisoire ...* = В том, что касается временности ... (Grevisse, 1975). Тематическое значение отмечено здесь, можно сказать, использованием *атрибутивной клитики*, которая сигнализирует о том, что обособленный элемент является не «вторичной предикацией», а отправной точкой основной предикации.

Из трёх упомянутых факторов, только третий – семантическая связь, установленная между двумя предикатами, – по-видимому, заслуживает рассмотрения. Пока не совсем ясно, как два других параметра, «значимость» и «общее знание», могут непосредственно вмешаться в этот предикативный процесс, даже если, как мы уже отмечали, между этими явлениями и топикализацией могли бы проследиваться связи. Здесь необходимо поднять вопрос о «значении» или *прагматических* эффектах значения, возникающих при отделении адъективной группы. Действительно, необходимо различать два типа отсоединённых, нереперентных конструкций, некоторые из которых соответствуют «сирконстантным» значениям, упомянутым нами выше, – *причинность, гипотеза, уступка*; другие же играют чисто «описательную» роль. При этом контекст, будь то значение самого прилагательного или основного предиката, не всегда позволяет установить какую-либо конкретную связь между двумя предикатами.

В первом случае замена подчинённым предикатом (сказуемым) обычно возможна, тогда как во второй конфигурации она, по-видимому, значительно сложнее, как в приведённых ниже предложениях:

– *Arrivé en retard, il a manqué le train.* / Приехав с опозданием, он опоздал на поезд (*Comme / Parce que... = Так как / Потому что ...*);

– *Arrivé en retard, il aurait manqué le train.* / Приехав поздно, он бы опоздал на поезд (*S'il était arrivé... = Если бы он приехал...*);

– *Assis devant la porte, il lisait le journal.* / Сидя перед дверью, он читал газету (? = смена прагматического значения) (CorpusEye).

Тот факт, что предикация, сведённая к придаточному предложению, может трактоваться как *топик*, обнаруживается в следующем примере:

– *Qu'il ait compris, c'est bizarre ... je ne peux pas l'imaginer* / Странно, что он понял... Я не могу себе этого представить (CorpusEye).

В вышеуказанном отрывке речь может идти о редуцированном предикате, являющемся прилагательным с *противоположным значением*; здесь возникает вопрос о синтаксических функциях: прилагательное будет восприниматься как *топическое* в конструкции: *Fatigué, il l'est* = букв. 'Уставший, он им является', поскольку оно выполняет основную функцию определения, «повторяясь» клиткой, подобной в этом отношении конструкциям типа: *Ce livre, je l'ai lu* = Эту книгу, я её прочитал. Следует подчеркнуть, что именно «сирконстантная» функция, по-видимому, представляет собой проблему. Здесь необходимо учитывать семантическую связь, которую можно установить между вторичной и основной предикацией, чтобы ответить на вопрос, в какой мере данная корреляция позволяет перефразировать высказывание с помощью придаточного предложения и является достаточным основанием приписывать тематическую функцию обособленному компоненту. Такое решение в своё время было предложено рядом исследователей для гипотетических придаточных предложений (Haiman, 1978; Schiffrin, 1992).

Если мы возьмём в качестве определения *топики* «отправную точку» высказывания, определения, объединяющего как понятие «*пресуппозиции*» (пресуппозиции существования для именных групп, пресуппозиции истинности для суждения), так и понятие «*релевантности*» комментария к топикю, мы обнаружим, что гипотетические придаточные предложения разделяют эти характеристики с топикализованными компонентами. Как указывает Хайман: «Топики в целом, как и условные предложения в частности, выбираются из потенциально бесконечного набора высказываний и неявно противопоставляются другим высказываниям. Основой их отбора является экстралингвистический принцип релевантности» (Haiman, 1978, p. 586). Таким образом, обособленные *прилагательное* и *причастие* можно трактовать как редуцированные придаточные предложения, как, например, в следующих высказываниях:

– *Malade, il n'a pas pu venir.* / Больной, он не смог приехать' (*Pour ce qui est d'être malade, cela entraîne ...* = В том, что касается болезни, это приводит...);

– *Malade, il resterait chez lui.* / Больной, он бы остался дома' (*Pour ce qui est d'être malade, cela entraînerait que ...* = Что касается болезни, то это означало бы, что...);

– *Restant au lit, il regardait la télé toute la journée.* / Оставаясь в постели, он весь день смотрел телевизор (? = смена прагматического значения) (CorpusEye).

Условные, уступительные и каузальные значения приведённых обособленных единиц в вышеприведённых высказываниях допускают обнаружение корреляций с топической функцией. Это не относится к «описательным» приложениям, в которых вторичная предикация лишь добавляет информацию – без сомнения,

вторичную, но без какой-либо конкретной семантической связи – к главной предикации. Наличие антепозиции здесь гораздо менее обосновано, чем в предыдущих случаях; следует также отметить, что с диахронической точки зрения модель с начальной описательной аппозицией появляется относительно поздно и, вероятно, должна быть объяснена в «стилистических категориях» (Combettes, 1996).

Классические французские тексты обычно представляют собой последовательность: *подлежащее + приложение + глагол*, именно тогда, когда приложение не имеет топического значения, которое оно приобретает в сочетании с обстоятельственными «логическими» значениями. «Временные» приложения представляют особую проблему: они устанавливают отношение одновременности или предшествования с процессом, передаваемым главным предикатом-сказуемым. Их размещение в начале высказывания может быть оправдано, как и в случае с другими обстоятельственными придаточными, явлением *иконичности*, поскольку их функция как *тем* не вызывает сомнений, а сравнение с именными обстоятельственными предложениями показывает, что они играют ту же роль временной или часто эмфатической «рамки» для потенциально рематических элементов.

Нижеследующие примеры, взятые из упражнений по экспериментальной грамматике французского языка, показывают механизмы построения эмфатических высказываний, базирующихся на «хронотопной прогрессии контекста, а также логико-прагматической компрессии композиционно-речевых структур» (TLFi). Задача состояла в том, чтобы на основе исходного нормативно-нейтрального материала эмфатически реструктурировать предложение в соответствии с коммуникативным заданием французского языка, в частности с использованием моделей эмоционально-экспрессивного синтаксиса в рамках уровневого подхода к интерпретации исходного предложения:

1. Исходная нормативно-нейтральная фраза.

J'ai passé le périp côté Asnières et dans un café j'ai vu une femme assise qui ressemblait à un être de mes rêves. / Я пересёк кольцевую дорогу со стороны Аньера и в кафе увидел сидящую женщину, которая выглядела как персонаж из моих снов.

2. Высказывание с модифицированной темой.

Une femme de mes rêves, je l'ai vue assise dans un café côté Asnières. / Женщина моей мечты, я увидел её сидящей в одном из аньерских кафе.

3. Топикализованная фразировка.

Passé le périp, dans un café, je l'ai vue, une femme de mes rêves. / Однажды, проехав кольцевую дорогу, в кафе я увидел её, женщину моей мечты.

4. Максимально эмфатизированная фраза.

Comme sortie de mes rêves, assise dans un café d'Asnières, c'est elle que j'ai vue passé le périp. / Как будто вышедшую из моих снов, сидящую в кафе Аньера, именно её я увидел сразу после пересечения кольцевой (Thuilier, 2012).

Как видим, нативные носители французского языка интуитивно используют приёмы *тематизации, топикализации* для усиления эмфатической динамики развития композиционно-речевых структур нормативных предложений, в частности, для того чтобы выделить определённые элементы высказывания и придать речи больше коннотативных нюансов, что повышает степень выразительности дискурса. Эти приёмы позволяют субъекту речи структурировать информацию, отделяя известное (тему) от нового или важного (рематические комментарии), а также используя вариации порядка слов для эмфатического акцентирования нейтрального языкового материала.

Заключение

По итогам проведённого исследования выявлено следующее.

1. Реализуясь в речи в виде конкретной единицы сообщения, предложение-высказывание структурируется в соответствии с коммуникативным заданием лингвокультуры и языка, на котором строится конкретный акт речи. В этом плане когнитивно-коммуникативный подход к анализу и выбору значения предполагает, что семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в высказывании.

2. Проблематика фразировки предложения-высказывания с нереферентными единицами (такими как некоторые прилагательные) заключается в том, что их трудно вписать в классические теории сегментации предложения, которые фокусируются на референтных сущностях (топиках и темах). Когда прилагательное топикализуется, требуется выйти за рамки строгого синтаксического анализа, чтобы включить нереферентные элементы в структуры тематики, что представляет собой вызов для теории проактивной лингвопрагматики.

3. Сегментация высказывания в русле традиционного разложения на фразы (*именная группа, глагольная группа*) с трудом интегрирует нереферентные единицы, которые тем не менее ведут себя аналогично референтным элементам в структурировании информации. В этом плане обособление прилагательного в конструкциях типа: *adj.*, + *il l'est* (например, *Fatigué, il l'est.* / *букв. 'Усталый, он есть таковой'* = 'Что до усталости, то он точно устал') демонстрируя выделенные (топикализованные) прилагательные, даже если они не представляют собой единой сущности, усложняют схему классической теории топикализации. В этой перспективе необходимо пересмотреть концепцию топикализации, чтобы учесть нереферентные элементы, которые выполняют функции связи с контекстом, выходя за рамки простой предикации.

4. Нереферентные синтагмы обладают большим эмоционально-экспрессивным потенциалом, нежели референтные высказывания. Дискурсная фразировка адъективной синтагмы осуществляется при помощи

механизма антиципации в русле синтактико-логического выделения и обособления прилагательного (или причастия). Результаты анализа показали, что прилагательное вписывается в триединую систему структурных и смысловых параметров организации эмфатического высказывания: *контекстуальную зависимость, корреляцию с именной группой, выполнение семантической роли*. Нереперферентные единицы можно трактовать как амбивалентные семиологические категории, так как они преимущественно выполняют функцию *темы* и, в некоторых случаях, *топики*.

Перспективы дальнейших исследований могут позиционироваться в нескольких областях знания от *постдискурсологии* и *новой лингвопрагматики* до *эмотивной аксиологии*, характеризующихся дискуссионным проактивным подходом к категориям «топикализация» и «тематизация», «идентичность» и «коммуникативный стандарт», «эмоция» и «экспрессия», которые, согласно языковедческой традиции, рассматриваются скорее как эпистемологические конструкторы или концептуальные модели, а не как естественные сущности. В этом плане *аффективный* (эмоциональный или экспрессивный) *синтаксис* характеризуется отступлениями от обычного порядка слов в высказывании, восклицательными и вопросительными предложениями, повторениями или частеречными обособлениями, что позволяет говорящему передать эмоциональный заряд читателю или слушателю, часто посредством эффекта цепной реакции, преобразуя логическую структуру в эмоциональное выражение.

Материалы исследования | Research materials

1. База французских текстов: FranText. [https://www.frantext.fr/\(FranText\)](https://www.frantext.fr/(FranText))
2. Корпус французского языка CorpusEye: <https://corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html> (CorpusEye)
3. Dico citations: Le dictionnaire des citations. <https://www.dicocitations.com/citation.php#> (DC)
4. Encyclopædia Universalis France (en ligne). [https://www.universalis.fr/recherche/RH%C3%89TORIQUE/article/1/\(EUFr\)](https://www.universalis.fr/recherche/RH%C3%89TORIQUE/article/1/(EUFr))
5. Grevisse M. Le Bon Usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui. Belgique: Éditions J. Duculot, S. A. Gembloux, 1975.
6. Larousse. <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/phrase/60532#174507> (L)
7. Molinié G. Dictionnaire de rhétorique. P.: Librairie générale française, 1997.
8. Rey A. Dictionnaire historique de la langue française en trois volumes (Édition numérique). P.: Le Robert, 2011.
9. Trésor de la Langue Française informatisé. [https://www.atilf.fr/\(TLFi\)](https://www.atilf.fr/(TLFi))

Источники | References

1. Веденина Л. Г. Французский язык. Структура, функционирование, культура. М.: Языки славянской культуры, 2020.
2. Иосилевич Н. В. Топикализация как одна из форм проявления эго-категории // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 4 (26).
3. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М.: Прогресс, 1967.
4. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
5. Салтанова Н. Ю. Актуальное членение предложения как средство текстовой организации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 2. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-231-238>
6. Седых А. П., Акимова Э. Н., Жукова А. Г. Конверс-анализ обыденной речи: русский, французский и английские языки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 1. <https://doi.org/10.30853/phil20250041>
7. Седых А. П., Бузинова Л. М. Коммуникативный имидж французского преподавателя // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4.
8. Седых А. П., Бузинова Л. М., Пашковская Н. Д. Дискурсология, междисциплинарность, регионализация: монография. Белгород: Эпицентр, 2023.
9. Aitchison J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. Oxford – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2012.
10. Chafe W. Cognitive constraints on information flow // Coherence and Grounding in Discourse / ed. by R. Tomlin. Amsterdam: Benjamins, 1987.
11. Clas A. Langue, langage et les étonnantes locutions, expressions et phrasèmes du français, et leurs correspondants en anglais et en allemand // Meta. 2015. Vol. 60. Iss. 2. <https://doi.org/10.7202/1032859ar>
12. Combettes B. Du niveau textuel au niveau énonciatif dans la grammaticalisation: le rôle du contexte // Langue Française. 2006. No. 149.
13. Combettes B. Facteurs textuels et facteurs sémantiques dans la problématique de l'ordre des mots: le cas des constructions détachées // Langue française. 1996. Vol. 111. <http://dx.doi.org/10.3406/lfr.1996.5352>
14. Cruse D. A. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2000.
15. Firbas J. Functional Sentence Perspective in Written and Spoken Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
16. Givón T. The grammar of referential coherence as mental processing instructions // Linguistics. 1992. Vol. 30. <http://dx.doi.org/10.1515/ling.1992.30.1.5>

17. Haiman J. Conditionals as topics // *Language*. 1978. Vol. 54. <http://dx.doi.org/10.1353/lan.1978.0009>
18. Halliday M. Notes on transitivity and theme in English // *Journal of Linguistics*. 1967. No. 3.
19. *Identités sociales et discursives / sous la dir. de P. Charaudeau*. P.: Harmattan, 2009.
20. Jacobson P. *Compositional Semantics*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
21. Kerbrat-Orecchioni C. *Le discours en interaction*. P.: Dunod, 2005.
22. Krieg-Planque A. “Formules” et “lieux discursifs”: propositions pour l’analyse du discours politique // *Semen. Revue de sémio-linguistique des textes et discours*. 2006. Vol. 21.
23. Lambrecht K. *Information Structure and Sentence Form: Topic, Focus, and the Mental Representations of Discourse Referents*. Cambridge: Cambridge University Press. 1996. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511620607>
24. Morin E. *La méthode: en 6 vols*. P.: Seuil, 2006.
25. Prince E. *Toward a taxonomy of given-new information* // *Radical Pragmatics* / ed. by P. Cole. N. Y.: Academic Press, 1981.
26. Pruvost J. *Le Dico des dictionnaires*. P.: JC Lattès, 2014.
27. Rastier F. *Sémantique interprétative*. P.: Presses Universitaires de France, 2009.
28. Rivarol A. *Discours sur l’universalité de la langue française, précédé de la langue humaine par Gérard Dessons*, collection “Le Philologue”. P.: Éditions Manucius, 2013.
29. Schiffrin D. Conditionals as topics in discourse // *Linguistics*. 1992. Vol. 30. <http://dx.doi.org/10.1515/ling.1992.30.1.165>
30. Schlobinski P., Schütze-Coburn S. On the topic of topic and topic continuity // *Linguistics*. 1992. Vol. 30. <http://dx.doi.org/10.1515/ling.1992.30.1.89>
31. Siouffi G. *Une Histoire de la phrase française. Des “Serments de Strasbourg” aux écritures numériques*. Arles: Actes Sud, 2020.
32. Thuilier J. *Contraintes préférentielles et ordre des mots en français*. Thèse de l’Université Paris Diderot, 2012.

Информация об авторах | Author information

RU

Седых Аркадий Петрович¹, д. филол. н., проф.
Акимова Эльвира Николаевна², д. филол. н., доц.
Машкова Лариса Александровна³, к. филол. н.

¹ Московский международный университет;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

² Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва

³ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

EN

Arkadiy Petrovich Sedykh¹, Dr
Elvira Nikolajevna Akimova², Dr
Larisa Alexandrovna Mashkova³, PhD

¹ Moscow International University;

Belgorod National Research University

² Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

³ Lomonosov Moscow State University

¹ sedykh@bsuedu.ru, ² akimovaen@mail.ru, ³ amabiles2gtt@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.12.2025; опубликовано online (published online): 19.01.2026.

Ключевые слова (keywords): тематизация и топикализация высказывания; эмфатика речи; дискурсная интеракция; теория аргументативной коммуникации; проактивная лингвопрагматика; thematization and topicalization of utterances; emphatics of speech; discourse interaction; theory of argumentative communication; proactive linguopragmatics.